

ДУБРОВСКАЯ Елена Юрьевна / DUBROVSKAIA Elena

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

dubrovskaya@krc.karelia.ru

РОЛЬ РУССКОГО И КАРЕЛЬСКОГО ФАКТОРОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ В РЕГИОНЕ: СОБЫТИЯ 1918 г. В ФИНЛЯНДИИ, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В БЕЛОМОРСКОЙ КАРЕЛИИ*

THE ROLE OF THE RUSSIAN AND THE KARELIAN FACTORS IN POLITICAL CLASH IN THE REGION: THE 1918 EVENTS IN FINLAND, THE CIVIL WAR IN WHITE SEA KARELIA

Abstract: The paper compares the influence of the Russian military servicemen, remaining in Finland after it gained independence, on the course of events during the 1918 Civil War (*the Russian factor*), and the influence of the Karelian population on the military and political situation in White Sea Karelia during the Civil War and Allied intervention in the Russian North (*the Karelian factor*).

Ключевые слова / Keywords: Гражданская война, Финляндия, Беломорская Карелия, российские военнослужащие, Карельский полк, военная интервенция, 1918 г. / Civil War, Finland, White Sea Karelia, the Russian military servicemen, the Karelian Regiment, military intervention, 1918

Изучение драматических событий 1918 г. в Финляндии, как и проблем Гражданской войны и военной интервенции на Русском Севере на заключительном этапе Первой мировой войны, а также в период участия Финляндии в вооружённом противостоянии противоборствующих сил на территории российской Карелии, имеет довольно значительную историографическую традицию. Начиная с 1960-х гг. в обеих странах исследователи уделяли особое внимание проблемам вовлечённости Финляндии в Гражданскую войну на Северо-Западе России и советско-финляндским отношениям этого периода. Новейшие работы английского историка Н. Барона, финских исследователей М. Вигтуховской, П. Ваары, Ю. Ниинистё, М. Харьюлы, отечественных исследователей В. И. Голина, А. В. Голубева, О. М. Морозовой, В. И. Мусаева, А. Ю. Осипова, С. Н. Филимончик дают возможность увидеть во взаимосвязи социальные конфликты разного уровня и связать политическую историю российской Карелии с историей этносоциальной и этнокультурной¹.

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (0225-2018-0011).

¹ Барон Н. Жизнь и эпоха Ф. Дж. Вудса // Король Карелии: Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг.: История и мемуары. СПб., 2013. С. 169–307; *Его же*. Столкновение империй: российско-британские взаимоотношения во время интервенции союзников

Одной из весьма важных проблем, связанных с событиями Гражданской войны в Финляндии 1918 г., является вопрос о влиянии русских и России на характер и ход войны. В отечественной историографии этот вопрос в той или иной степени поднимался в работах, которые были проанализированы в историографическом обзоре Е. Ю. Дубровской и И. М. Соломеща², современная финляндская историография истории Гражданской войны 1918 г. рассмотрена в недавней публикации Д. Р. Лобановой³. Отдельные судьбы российских военнослужащих, оставшихся в Финляндии в 1918 г., прослежены в статьях В. В. Дмитриева, Н. В. Забавской, З. А. Новоселовой, А. С. Терашкевича, А. Г. Шкварова — историков из Санкт-Петербурга, Выборга и Хельсинки⁴.

на севере России // Труды Карельского научного центра РАН. Серия Гуманитарные исследования. Вып. 2. 2011. № 6. С. 90–96. URL: <http://transactions.krc.karelia.ru/publ.php?plang=r&id=9247> (27.12.2018); *Витухновская-Кауттала М. А.* Гражданская война в Карелии в советской, российской и финской историографии // Финляндия и Россия: Образы общего прошлого. Петрозаводск, 2014. С. 299–314; *Её же.* Карельский крестьянин в горниле гражданской войны 1917–1922 // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв.: Сб. статей. Петрозаводск, 2013. С. 172–211; *Её же.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России. 1905–1917. СПб., 2006; *Голдин В. И.* Русский Север в эпоху великих испытаний: 1900–1920. Архангельск, 2018. Т. 1. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918.; *Голубев А. В.* «Карельский дневник» Филиппа Вудса как источник для изучения северо-карельского приграничья в годы Гражданской войны // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов: Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 37–44. URL: <http://www.krc.karelia.ru/publ.php?plang=r&id=4057> (27.12.2018); *Морозова О. М.* Антропология гражданской войны. Ростов н/Д., 2012; *Мусаев В. И.* «Племенные войны» и беженство в Карелии (1918–1922) // Карелия — приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР / России. Петрозаводск, 2018. С. 30–39; *Осипов А. Ю.* Финляндия и гражданская война в Карелии: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006; *Его же.* Финляндия и «независимая» Карелия в период гражданской войны // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: Материалы 5-й междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2005. С. 87–88; *Филимончик С. Н.* Гражданская война в Карелии в творчестве А. М. Линевского 1930-х гг. // История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Материалы междунар. науч.-практ. конф. 24–25 мая 2016. М., 2016. С. 368–373; *Harjula M.* Suomalaiset Venäjän sisällissodassa 1917–1922. Helsinki, 2006; *Idem.* Venäjän Karjala ja Muurmanni 1914–1922: Maailmansota, vallankumous, ulkomaisten interventio ja sisällissota. Helsinki, 2007; *Niinistö J.* Heimotien historia, 1918–1922. Helsinki, 2005; *Vaara P.* Viena 1918: Kun maailmansota tuli Karjalaan. Jyväskylä, 2018.

² *Dubrovskaya E., Solomesch I.* Russia and Finland During the World War I in Russian Historiography // Norden och Krigen i Finland och Baltikum / Red. L. Westerlund. Helsingfors, 2004. S. 185–194.

³ *Лобанова Д. Р.* Особенности изучения гражданской войны в Финляндии 1918 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2016. 17 (№ 2). Тематический выпуск: Россия, Финляндия и Скандинавия: Проблемы взаимовосприятия: Материалы шестых Барышниковских чтений (25 сент. 2016 г.). С. 139–145. URL: http://novist.history.spbu.ru/docs/Sbornik_North_Europe_2016_2.pdf (27.12.2018).

⁴ *Дмитриев В. В.* Газета «Дело народа» о событиях Гражданской войны 1918 г. в Финляндии // Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 год: Материалы науч.-практ. конф. СПб., 2012. С. 61–79; *Забавская Н. И.* Участие военнослужащих русской армии в гражданской войне в Финляндии по воспоминаниям очевидцев событий // Там же. С. 35–50; *Новоселова З. А.* Выборг в период революции и гражданской войны в Финляндии // Там же. С. 3–34; *Терашкевич А. С.* Русские в гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 17 (№ 2). С. 70–73; *Шкваров А. Г.* Русские гарнизоны в Великом княжестве Финляндском: проблемы взаимоотношений с местным населением // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Двенадцатой ежегод. междунар. науч. конф. СПб., 2011. С. 80–89. URL: http://novist.history.spbu.ru/docs/Sbornik_North_Europe_2011.pdf (27.12.2018).

Кровавая гражданская война, которую пережила Финляндия зимой — весной 1918 г., сравнима с самыми ужасными страницами Гражданской войны в России. Жертвами эскалации ненависти становились не только участники боев на Северо-Западе бывшей Российской империи, но и мирное население, прежде всего финны, карелы, русские. В 1918 г. столкновения противостоявших друг другу сторон предопределили необычайную остроту политической обстановки в регионе. И Финляндия, и российская Карелия оказались втянутыми в орбиту международной политики и в сферу интересов военно-политических коалиций, боровшихся между собой в годы Первой мировой войны.

По наблюдениям финской исследовательницы О. Каремаа, выявившей корни русофобии в первые годы финляндской независимости, во время Гражданской войны в Финляндии за разжигаемой русофобией стояло желание белых сделать русских козлами отпущения за все жестокости и тем оправдать собственные действия. «Действительная роль русских в гражданской войне и степень ответственности их за убийства» не дают для этого повода, отмечает автор⁵. В начавшейся гражданской войне белые финны ставили задачу разоружить русские гарнизоны и переправить их в Россию, красные рассчитывали на реальную помощь со стороны русских военных.

К началу 1918 г. в 42-м армейском корпусе, дислоцированном в Финляндии, шла демобилизация. В войсках находилось, по одним оценкам, десять тысяч человек, по другим — 21 тысяча человек из 60—70 тысяч, положенных по штату. Боеспособность корпуса была низка. В целом в войсках пограничной стражи, в полевых подразделениях и крепостях оставалось около 40 тысяч чел., часть которых финские белые интернировали сразу же в начале войны и безоружными отправляли в Россию⁶.

В исследовании финского военного историка О. Маннинена приводятся сведения о том, что в середине января 1918 г. в Финляндии находилось не менее 73 тысяч русских солдат и матросов, а на разных этапах финляндских событий в вооружённых действиях принимали участие до десяти тысяч российских военнослужащих⁷. Как показал исследователь, из числа военнослужащих старой армии в боевых действиях принимали участие около трёх тысяч человек; вместе с красногвардейцами, присланными из Петрограда зимой 1918 г., на стороне

⁵ *Karémaa O.* Русофобия в Финляндии в 1917–1923 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М., 2006. С. 215; *Karémaa O.* Vihollisia, vainooja, syöpäläisiä: Venäläisviha 1917–1923. Helsinki, 1998.

⁶ *Smith C. I.* Finland and the Russian Revolution. 1917–1922. Athens, 1958. P. 39.

⁷ *Manninen O.* Kapina, kansalaissota, vapaussota // Itsenäistymisen vuodet 1917–1920. Helsinki, 1993. Osa 2. S. 43, 73.

красных сражалось от трёх с половиной до пяти тысяч российских военных⁸. С последней оценкой согласен и профессор университета Тампере В. Расила, отметивший, что на стороне красных сражалось около пяти тысяч русских, преимущественно в качестве командиров, инструкторов и артиллеристов⁹.

Главным военным инструктором красных финнов и командующим русскими добровольческими войсками стал М. С. Свечников, командир расквартированной в Таммерфорсе (Тампере) 106-ой пехотной дивизии. По его оценке, к началу марта 1918 г. русских добровольцев в войсках западной Финляндии насчитывалось около одной тысячи человек¹⁰. При этом каждая из сторон имела максимально 70 тысяч бойцов, хотя количество ставших под ружье с той и с другой стороны в ходе войны, безусловно, менялась¹¹. М. С. Свечников пишет, что русских специалистов-инструкторов было не более 50 человек¹². По подсчётам финского исследователя А. Танскинена, численность военных, участвовавших в сражениях на стороне красных, составила 2000–3700 человек, а в качестве инструкторов на службе состояло до 200 офицеров¹³.

Представляется, однако, что роль «русского фактора» в Гражданской войне в Финляндии определяется не численностью офицеров, солдат, матросов, принявших участие в вооруженном конфликте зимы–весны 1918 г., а воздействием «солдатской» революции на развитие социальных и национальных движений финляндцев в предшествующий период, который начался событиями Февральской революции в Петрограде. Вот почему необходимо остановиться на ситуации, сложившейся весной–осенью 1917 г., когда дислоцированные в Финляндии флотские и армейские части были единственной военной силой, способной существенно влиять на ход революционного процесса в гарнизонных городах на территории бывшего Великого княжества.

В дни Февральской революции, несмотря на сохранявшееся недоверие между матросами, солдатами и финскими рабочими, российские военные пытались революционизировать трудящееся население Финляндии. Участвуя в политических акциях финнов и обещая силой поддержать выдвинутые рабочими требования, военные содействовали радикализации и социальных движений, и национальных устремлений финляндцев. Так, весной 1917 г. финны использовали поддержку военных для того, чтобы добиться узаконения восьмичасового рабочего дня.

⁸ Ibid. S. 73.

⁹ Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 159.

¹⁰ Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии & 1917–1918 годы (воспоминания и материалы). М.; Пг., 1923. С. 74.

¹¹ Новоселова З. А. Выборг в период революции и гражданской войны в Финляндии. С.13.

¹² Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии. С. 109.

¹³ Tanskinen A. Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918. Tampere, 1978. S. 222.

С лета шли — подчас на одном плацу — военные учения будущих белых и красных финнов¹⁴.

По просьбе тех и других, учения проводили русские военные инструкторы, поскольку с начала XX столетия финляндцы не имели возможности обучаться военному делу: Николай II в 1905 г. распорядился упразднить финляндские войска. Подданные Великого княжества Финляндского были полностью освобождены от обязанности служить в российской армии. В обмен на это Финляндия выплачивала значительную денежную компенсацию (т. н. военные миллионы) в российский бюджет на нужды обороны империи¹⁵.

Нельзя не согласиться с петербургским исследователем А. С. Терашкевичем в том, что противостояние финляндских белых и красных можно рассматривать как одно из социальных «брожений», вызванных Первой мировой войной, а также российской революцией 1917 г.¹⁶ После победы Февральской революции у финляндских политических кругов сложились две модели поведения: сохранение лояльности новому российскому правительству в надежде на желаемое разрешение вопроса о судьбе Финляндии или курс на независимость. По мере развития событий всё отчетливее ощущалась тенденция смещения приоритетов от лояльности к конфронтации по отношению к российской власти. Обсуждение этого вопроса вело к расколу финляндского общества, что проявилось в противостоянии сторон во время Гражданской войны в Финляндии 1918 г. Вовлечение рядовых военнослужащих в набиравшую силу солдатскую революцию непреднамеренно усиливало и национальную революцию финляндцев. В специфических финляндских условиях это наряду с «демократизацией» необычайно осложнило положение армии и флота России на северо-западном рубеже воюющего государства.

О неизбежных в такой ситуации переменах во взаимоотношениях военнослужащих и финляндцев свидетельствуют письма матросов и солдат в редакции русских газет Гельсингфорса, Або, Выборга¹⁷. Стремление к независимости усиливалось не только благодаря пропаганде «активистских взглядов», но и под воздействием беспорядочных выступлений русских солдат и матросов, которые сыграли свою роль в радикализации национальных устремлений финляндцев. Резкое падение летом–осенью 1917 г. дисциплины в российских войсках, которые пережили «демократизацию» и были подвержены

¹⁴ Черняев В. Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть*. СПб., 1994. С. 312.

¹⁵ *Расила В. История Финляндии*. С.105; *Lintinen P. Sotilasmiljoonat*. Helsinki, 1984. S. 176–180.

¹⁶ *Терашкевич А. С. Русские в гражданской войне в Финляндии*. С. 70.

¹⁷ *Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918)*. Петрозаводск, 2008. С. 97–105.

послефевральской политизации, вызывало всё большее недовольство и раздражение населения¹⁸.

В начале ноября в газете «Мурманский путь», которая издавалась в Петрозаводске союзом служащих и рабочих Мурманской железной дороги, появилось заявление прибывшего накануне представителя Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих. По его словам, «в данный момент в Финляндии происходит полная разруха и неминуемо должна возникнуть гражданская война между солдатскими частями на почве отношения к петроградским событиям»¹⁹.

Описывая кризисную обстановку периода всеобщей забастовки в Финляндии, депутат из Гельсингфорса подчеркнул, что в финляндской столице «уже начались кровавые эксцессы, т. к. никакого подвоза предметов первой необходимости сейчас во всей Финляндии не наблюдается, за исключением контрабандного подвоза из Швеции и отчасти из России». Поэтому «в целях предотвращения голодных бунтов» Гельсингфорский совет распорядился выдавать запасы из армейского и флотского интендантств. «Насколько повышено настроение в Финляндии, свидетельствует факт ареста в Гельсингфорсе членов сейма голодной толпой», не выпускавшей парламентариев до тех пор, «пока толпе не были розданы лепешки из картофеля и овсяной муки». В пригородах столицы впервые за полвека были «зарегистрированы случаи голодного тифа»²⁰.

По справедливому замечанию финляндского историка М. Клинге, центральной темой буржуазной прессы Финляндии стали страх и осуждение «необузданной азиатской свободы», тогда как в рабочей печати главное внимание уделялось продовольственному кризису. Поскольку основной мыслью буржуазной прессы стало удаление из страны российской армии или «скорейшее усмирение неукротимых воинских частей», буржуазия стремилась к тому, чтобы шноцкоровские отряды — «охранная гвардия порядка», а позже и белая армия легитимного финляндского правительства появились и действовали «именно против русских, ради освобождения Финляндии от стад русских солдат». Такая позиция вызывала вполне обоснованные опасения красных финнов из-за угрозы германского вторжения²¹.

Продовольственный и жилищный кризис усилил требования скорейшего вывода российских войск из Финляндии. Однако и после обретения Финляндией независимости в условиях продолжавшейся мировой войны это требование, обращённое теперь уже к советской стороне, оставалось невыполнимым. Получение

¹⁸ Клинге М. Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 570–579.

¹⁹ В Финляндии // Мурманский путь. 1917. 8 ноября.

²⁰ Там же.

²¹ Клинге М. Имперская Финляндия. С.576.

финляндской независимости не разрешило внутренних противоречий. И конфликт, разгоревшийся вокруг пребывания русских войск в Финляндии в начале 1918 г., был скорее поводом, нежели причиной развернувшихся далее событий. Как пишет О. Каремаа, рассмотревшая феномен неприязненного отношения финляндцев к русским и прежде всего к российским военным, в период революции и в первые годы независимости заказ на русофобию возник лишь в ноябре 1917 г., когда финская буржуазия попыталась таким способом снять угрозу присоединения российских военных к всеобщей забастовке финляндцев²².

Т. Вихавайнен, изучивший отношение к России и русским накануне и в период Гражданской войны 1918 г. в Финляндии, отмечает, что движение за независимость было довольно серьёзным фактором в годы Первой мировой войны, однако решающим условием для полной независимости стала большевистская революция. В дальнейшем российские большевики сыграли роль необходимого ускорителя в развёртывавшейся гражданской войне финляндцев. Левый радикализм, который приобрел здесь «сугубо русские формы», автор называет проявлением «всемирной моды» и подвергает критике утвердившиеся в финляндском обществе в 1920–1940-е гг. мифы об исключительно «русском» истолковании войны 1918 г.²³

После обретения Финляндией независимости в декабре 1917 г. в стране продолжали оставаться десятки тысяч российских военных, что делало достигнутую независимость весьма непрочной. Воздействие русской политической культуры на финских красногвардейцев сказывалось и на их облике, сохранённом фотографиями периода Гражданской войны 1918 г. Полувоенное облачение, папиросы в зубах и пулемётные ленты через плечо позволяют безошибочно угадывать сторонников будущих красных — участников Гражданской войны, которая уже стояла на пороге²⁴.

Вместе с тем рабочая революция и Гражданская война в Финляндии, увенчав процесс обретения страной независимости, вывели представления о необходимости территориального расширения на восток в плоскость реальной политики²⁵. В силу этого на завершающем этапе мировой войны, после выхода из неё России и провозглашения Финляндией независимости, российская Карелия из тылового

²² *Karemaa O.* Moraalisesta närkästyksestä kansalliseksi ohjelmaksi // *Venäjan kahdet kasvot: Venäjä kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä.* Helsinki, 2004. S. 226–254.

²³ *Вихавайнен Т.* Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание. Петрозаводск, 2009. С. 11–12, 23.

²⁴ Подробнее об этом: *Дубровская Е. Ю.* Многомерная радикализация: российские военные в Финляндии, «солдатская революция» и социальные движения финляндцев в 1917 г. // *Альманах северо-европейских и балтийских исследований* [Электронный ресурс]. 2017. Вып. 2. С. 329–353. URL: <http://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=769> (12.12.2018).

²⁵ *Левкоев А.А.* Национальная политика в советской Карелии (1920–1928): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С.3.

и относительно стабильного района стала превращаться в приграничную прифронтовую окраину, а в дальнейшем оказалась одним из первых очагов военной интервенции и Гражданской войны.

События начала Гражданской войны и международной интервенции на территории российской Карелии развёртывались на фоне продолжавшегося до ноября 1918 г. противостояния Германии и стран Антанты на Русском Севере. Участие получившей независимость Финляндии в этом противостоянии предопределило необычайную остроту политической обстановки в крае, который оказался вовлечённым в сферу интересов военно-политических коалиций, столкнувшихся здесь в годы Первой мировой войны. Всё это наложило своеобразный «колоритный отпечаток» на ход вооружённой борьбы и предопределило многообразие её форм и взаимодействовавших сил.

Вторжения добровольческих отрядов из охваченной гражданской войной Финляндии в Беломорскую Карелию в марте–октябре 1918 г. и в Олонецкую Карелию в апреле–сентябре 1919 г. именовались «племенными войнами» или «карельским освободительным движением», что должно было подчеркивать их национальную составляющую²⁶. Развернувшаяся весной и летом 1918 г. интервенция сил Антанты на Север России под предлогом защиты от финнов, и особенно от немцев, всё более накаляла обстановку в северокарельских волостях.

В июле 1918 г. страны Антанты усилили своё военное присутствие в Карельском Поморье, опасаясь проникновения туда войск Германии и Финляндии как её союзника. Высадка английских войск на Севере России началась весной 1918 г., и Беломорская Карелия оказалась театром военного противостояния. Поначалу англичане объясняли свое присутствие необходимостью защищать регион от возможного продвижения немцев и охранять военные грузы, однако скоро стали очевидными их цели — укрепление своего геополитического влияния на Русском Севере и борьба с большевизмом. Захватив населенные пункты вдоль Мурманской железной дороги, войска Антанты и военные формирования союзного им белого правительства в Архангельске остановились на границе Кемского уезда Архангельской губернии и Повенецкого уезда Олонецкой губернии²⁷.

²⁶ См. об этом: *Витухновская-Кауппала М. А.* Гражданская война в Карелии в советской, российской и финской историографии. С.301–304; *Vituhnovskaja-Kauppala M., Kauppala P.* Itäkarjalaiset eri kansallisten projektin subjekteina ja objekteina, 1917–1922 // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа: Сб. науч. статей. Петрозаводск, 2012. С. 309–320.

²⁷ *Голдин В. П.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993; *Николаев О. Р.* Портрет войны в севернорусском ландшафте в версии британских фотографов // Гражданская война на севере России глазами британцев: Из фондов Имперского военного музея (Лондон). СПб., 2008. С. 6–37; *Шумилов М. П.* Революция и гражданская война в Карелии: 1917–1920 // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 342–426.

Интересно сравнить мотивацию участия российских военных в столкновениях красных и белых в Финляндии с тем, что руководило карельскими крестьянами, в большинстве — недавними фронтовиками Первой мировой войны. В отличие от Гражданской войны в Финляндии, в которой проявил себя «русский фактор» и где были чётко разграничены красный и белый лагеря, в российской Карелии, несмотря на конфронтационные устремления действовавших в крае главных политических сил, к весне 1918 г. не сложилось самостоятельного белого движения. Такое движение, нацеленное на вооружённую борьбу против советской власти, было принесено сюда извне интервенционистскими силами. Истоки гражданской войны в Карелии находились в деревне, в противостоянии бедных и зажиточных слоёв, а также в противостоянии между городом и деревней²⁸.

Выражаясь образно, возвратившиеся из окопов солдаты Первой мировой войны приносили в родные места «войну на сапогах»: участниками кровопролитных столкновений в 1918 г. стали карельские крестьяне, отягощённые опытом четырёх лет сражений и по-разному, в том числе с оружием в руках, решавшие вопрос о судьбе российской Карелии. В Финляндии же как белая, так и красная стороны были лишены предыдущего военного опыта, который, однако, имелся у многих российских военных. Летом и осенью 1917 г. он оказался востребован и Красной гвардией, и шюцкоровскими отрядами, вследствие чего к воинской службе и к военным занятиям оказалось привлечено значительно больше людей, чем в ходе Первой мировой войны присоединилось к германской и российской армиям²⁹.

Осенью 1917 г. — зимой 1918 г. оперативное руководство российскими войсками взял на себя Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии. Военное командование армии и флота решительно выступило против участия русских в финской гражданской войне, заявив, что вооружённое вмешательство станет «источником нового военного позора» для России³⁰. Однако члены Областного комитета Финляндии во главе с И. Т. Смилгой не собирались прислушиваться к мнению бывших офицеров царской армии. Несмотря на то, что далеко не все русские гарнизоны поддержали финскую Красную гвардию, легитимное финляндское правительство считало себя в состоянии войны с Советской Россией. Вмешательство российских военнослужащих в гражданскую войну финнов позволило сторонникам белой Финляндии интерпретировать события зимы–весны 1918 г. как войну «освободительную».

²⁸ Осипов А. Ю. Финляндия и гражданская война в Карелии. С. 86, 105.

²⁹ Клине М. Имперская Финляндия. С.578–579.

³⁰ Рапорт командующего сухопутными войсками в Центробалт от 22 января 1918 г.: Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГАВМФ). Ф. 353. Оп. 1. Д. 32. Л. 108.

За время Гражданской войны заметно изменилось отношение Областного комитета к снабжению Красной гвардии оружием и помощи ей пополнением из русских добровольцев. Январские и февральские номера «Известий Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих» изобилуют призывами Областного комитета к российским войскам «поддержать финский пролетариат в его классовой борьбе», поскольку отказ от такой поддержки «покрыл бы революционные войска несмываемым позором». В одном из писем в редакцию гельсингфорских «Известий» говорилось: «Угнетенные и обиженные в Финляндии по нескольку раз от каждой воинской части слышали о готовности помочь всеми имеющимися у нас силами всем трудящимся. ...Такие призывы и обещания были слышны вообще по всей Руси, и в частности, голос из Гельсингфорса звучал громче и настойчивее, чем откуда либо. Обещания помощи были гораздо тверже и убедительнее... Белая гвардия оказала слишком серьезное сопротивление. Обездоленные голодные рабочие Финляндии, помня резолюции русских и веря им всей душой, обратились за помощью. И что же? Стыдно говорить. Стыдно сознаться, что принадлежишь к войсковым частям, находящимся в Финляндии. Многие и многие из солдат не хотят идти против Белой гвардии...»³¹.

В оперативных сводках о ходе военных действий между Красной и Белой гвардиями упоминается о том, что командир бригады полковник С. Боровский, направленный для переговоров в штаб белых, отказался вернуться в штаб 106-ой дивизии³². В большинстве своём офицерство, которому больше импонировали белые, всё же стремилось остаться нейтральным в начавшейся в Финляндии гражданской войне. Во многом сходно и отношение русских рядовых военнослужащих, которые были рады остаться вне революционных событий. Хотя многие были не прочь присоединиться к экспроприации финляндской буржуазии, но настоящая борьба и кровопролитие прельщали их мало. Намерение помочь своим финским товарищам сохраняли лишь радикально настроенные солдаты и матросы. Большинство частей, вероятно, были вынуждены сражаться только под угрозой уничтожения со стороны Белой гвардии.

Без такой крайней необходимости большинство солдат оставались нейтральными. Причину этого А. С. Терашкевич вполне резонно усматривает в изменившейся политической ситуации в России: до Октябрьской революции российские армия и флот, дислоцированные в Финляндии, вдали от театра боевых действий, в любой момент могли быть отправлены на передовую. «Поэтому политический радикализм солдатских масс, выступавших за передачу власти Советам и окончание войны, был объясним». А гражданская война в Финляндии

³¹ Там же. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21. Л. 105—108.

³² Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1918. 23 января.

«началась гораздо позже взятия власти большевиками в Петрограде и начала переговоров с немцами о перемирии, когда стало ясно, что война подходит к концу». По заключению исследователя, у российских военных не было причин рисковать жизнью ради интересов «красных финнов»³³.

Обращает на себя внимание эволюция отношения красногвардейцев к русским. 15 января Совет народных уполномоченных — правительство красной Финляндии — обратился с приветствием к Совнаркому, выразив надежду на укрепление солидарности между рабочими обеих стран. Ответное приветствие, с которым прибыл в Гельсингфорс нарком почт и телеграфа П. П. Прошьян, содержало заверения в том, что правительство России обещает всяческую поддержку в борьбе против буржуазии³⁴. За этим последовала транспортировка вооружения и продовольствия из России и обучение финских рабочих русскими военными инструкторами.

Автор неопубликованных воспоминаний «Записки интернированного», которые весной 1918 г. были подписаны псевдонимом Владимир Приморский, рассказывая о последних днях перед падением Гельсингфорса, с горечью записал: «Поняв, что флот займет нейтральную позицию в предстоящей решительной борьбе, красногвардейцы перестали считаться с русскими властями. Начался ряд выступлений, носивших явно неприязненный к русским характер. Красногвардейцами по любому поводу задевались не только русские матросы, но и офицеры. Ими же самовольно захватывалось оружие, склады и даже позиции в укрепленном приморском районе. А накануне выступления германцев было даже захвачено небольшое военное судно»³⁵.

Даже в подобной обстановке на страницы русских газет попадали свидетельства о бедственном материальном и моральном положении тех военнослужащих, кто оставался в Финляндии после заключения Брестского мира в связи с делами по ликвидации своих частей и подразделений. Об этом же красноречиво рассказывают «Записки интернированного» в той их части, которая посвящена событиям в Гельсингфорсе весной 1918 г. Предположительно, «Записки» принадлежат перу В. А. Волкова, юрисконсульта штаба Старшего морского начальника русских морских вооруженных сил в водах Финляндии, который являлся председателем юридической секции «Общества Русская Колония в Финляндии» и членом-учредителем «Русского клуба». Распространённым в отечественной исследовательской литературе представлениям о ничем не нарушавшихся симпатиях

³³ Терашкевич А. С. Русские в гражданской войне в Финляндии. С. 71.

³⁴ Холодковский В. М. Революция 1918 г. в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С.122.

³⁵ РГАВМФ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 18.

между красными финнами и русскими военными, остававшимися в Финляндии, противоречат и отдельные документы, обнаруженные в бумагах помощника главнокомандующего финской Красной гвардии и командующего добровольческими отрядами в Финляндии М. С. Свечникова.

Во время Гражданской войны мысль о необходимости подавления «контрреволюционного и антинародного заговора буржуазии», ставшая в 1917 г. привычной российским военнослужащим, была воспринята и красными финнами. Так, в марте 1918 г. в местечке Тюсьбю финские красногвардейцы арестовали помощника командира дивизионного обоза 106-й пехотной дивизии Заме. Дивизия находилась в составе русских войск, которые подчинялись М. С. Свечникову и взаимодействовали с Красной гвардией. Командиру обоза, обратившемуся в штаб Красной гвардии на станции Керава за разъяснением, в чём обвиняют его заместителя, был дан ответ, что тот подозревается в принадлежности к Белой гвардии, обвиняется в выдаче уволенному со службы солдату казённых вещей, подлежащих передаче Финляндии, а также в том, что «Заме вообще буржуй»³⁶.

Среди общей пассивной массы военнослужащих старой русской армии, остававшихся в Финляндии, всё же находились солдаты и матросы, которые изъявляли желание принять участие в сражениях Красной гвардии против белых. Интересны два списка, составленные почти одновременно командиром сводного первого батальона русских добровольческих сил. В одном из них перечислены фамилии 32 убитых и 26 раненых в бою под Пекалой и Руовеси матросов и солдат. Второй документ — «Список позорно бежавших с награбленным народным достоянием», не законченный из-за спешки при отъезде отряда и содержащий 80 фамилий. Примечательно, что и в том, и в другом списках числятся имена добровольцев от одних и тех же команд линейных кораблей «Республика», «Андрей Первозванный», «Гангут», «Полтава», миноносцев «Прыткий», «Инженер-механик Зверев», учебного судна «Орлица», тральщика «Взрыв», транспорта «Гамара» и др.³⁷

Итак, далеко не все русские части вмешались в ход Гражданской войны в Финляндии. Первоначально политика советского правительства и подведомственных ему учреждений и организаций в Финляндии была направлена на невмешательство во внутренние дела страны. Солдаты русских гарнизонов придерживались нейтралитета в гражданской войне, ожидали демобилизации и возвращения на родину, но часто оказывались на положении военнопленных. Вместе с сотнями русских матросов и солдат, воевавших в рядах финских красногвардейцев, страшную цену братоубийственной гражданской войны платили

³⁶ Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии, Хельсинки). Venäläiset sotilasasiakirjat (Русские военные бумаги. Д. 2980. Бумаги командующего добровольческими отрядами в Финляндии.

³⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2262. Оп. X. Д. 3. Л. 23–23об.

и те российские военные, кто сохранял полное невмешательство в эти трагические события³⁸.

Нападения Белой гвардии, объявленной правительственными войсками страны, на русские гарнизоны побудили российских военных принять меры к самозащите. Такими же вынужденными были и действия крестьян Беломорской Карелии. Летом 1918 г. при помощи и под командованием английских интервенционистских сил был создан «Карельский полк» («Карельский отряд», как называли его карелы). Обучение бойцов отряда иностранными инструкторами — ещё один момент, сближающий военную деятельность карельских крестьян с борьбой белых или красных финнов, прошедших подготовку у русских военнослужащих в Финляндии.

Ядро «Отряда», действовавшего в карельско-финляндском приграничье, было организовано в конце апреля 1918 г. в г. Кеми под руководством бывшего фронтовика Григория Лежеева (Рикко Лесонена), уроженца села Кивиярви Вокнаволоцкой волости. Отряд состоял из карелов, ранее работавших на Мурмане, и первоначально насчитывал около трёх десятков бойцов. Их задачей стало вытеснить из Ухтинской волости вторгшихся белых финнов — сторонников «воссоединения финно-угорских племен» и спасти от голодной смерти население северокарельских волостей: будучи отрезанными от южной Карелии, они не снабжались продовольствием³⁹.

Мотивация бойцов отряда и помогавших им земляков заключалась прежде всего в страхе перед надвигающимся голодом. Отношения жителей приграничья — карельского населения Кемского уезда — с руководством Архангельской губернии, будь то советское управление или сменившие его белые правительства⁴⁰, складывались весьма непросто. Из-за страшного бездорожья снабжение северокарельских волостей продовольствием всецело зависело от поддержки, которую оказывало их население той или иной внешней силе, претендовавшей на управление краем.

По воспоминаниям одного из бойцов отряда С. И. Летниева, находились желающие вступить в отряд и среди русских рабочих Кеми, села Сорока и других рабочих посёлков, но «вербовщики их не принимали, говорили, что возьмем только

³⁸ Мусаев В. И. «В чужом пиру похмелье»: Гражданская война, послевоенный террор в Финляндии и русское население в 1918 г. // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX — середина XX в.: Матер. междунар. colloquium (Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013 г.). СПб., 2014. С. 485–497.

³⁹ Научный архив Карельского научного центра РАН (далее — НА КарНЦ РАН) Ф.1. Оп. 20. Д. 142. Л. 16–17.

⁴⁰ Новикова Л. Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на Русском Севере, 1917–1920. М., 2011.

карелов»⁴¹. Такие свидетельства не очень вписываются в долго господствовавшие в советской исторической науке представления о едином фронте трудящихся Карелии, поднявшихся на борьбу против иноземных захватчиков для защиты завоеваний нового строя. Воспоминания об инициативе англичан, оказавшихся организаторами защиты Беломорской Карелии от вторжения финских вооружённых отрядов, долгие годы не вводились в научный оборот. Они мало соотносились с базовым мифом о Гражданской войне⁴². Такими же «неудобными» оказывались подробности, связанные с историей «Карельского полка», с лета 1918 г. действовавшего под британским командованием⁴³.

Из деревень Беломорской Карелии, занятых финскими экспедиционными отрядами, к командирам английских частей приходили бежавшие добровольцы-карелы и обращались с просьбой предоставить им оружие и дать военную подготовку, чтобы они могли выступить против финнов. К июлю число бойцов отряда достигло 300 человек⁴⁴. Из карелов были назначены и офицеры, хотя они командовали лишь формально. Фактическое командование осуществлялось англичанами⁴⁵. Отряд организовался под лозунгом «Прочь финны из Карелии», «Карелия для карел»⁴⁶. В фондах Научного архива Карельского научного центра РАН сохранились воспоминания бойцов «Карельского легиона» о том, как они записывали в отряд ради получения пайка стариков и женщин, так что на бумаге отряд в 600 бойцов разрастался до нескольких тысяч человек⁴⁷.

В отличие от белых финнов довольно дисциплинированным английским частям все же скоро удалось завоевать некоторую популярность у населения Беломорской Карелии. Решающее значение в этом сыграли регулярные поставки продовольствия, благодаря которым удалось предотвратить голод в северокарельских волостях. Бойцы отряда получили приказ Г. И. Лежоева показать «товар лицом», т. е. «необычайно разросшийся отряд». По свидетельству Ф. А. Лесонена, «мы привлекли для участия в параде, да и вообще в “торжествах” мужчин почти всех деревень». Проверка прошла удачно, поскольку снабжение

⁴¹ НА КарНЦ РАН. Ф.1. Оп. 20. Д. 142. Л. 2.

⁴² Нарский И. В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 222–223.

⁴³ *Polyakova T.* The Memoirist and the Redactor: Writing the History of the Russian Civil War in Karelia // Альманах североамериканских и балтийских исследований [Электронный ресурс]. 2016. Вып. 1. С. 118–131. URL: <http://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=482> (12.12.2018).

⁴⁴ НА КарНЦ РАН Ф. 1. Оп. 20. Д. 139. Л. 98.

⁴⁵ Степанов О. Прошлое и настоящее Беломорской Карелии // Прибалтийско-финские народы: История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С.292–293; *Vahkola J.* «Suomi suureksi — Viena vараaks»: Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi, 1988. S. 365, 453.

⁴⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 140. Л. 56.

⁴⁷ Дубровская Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии. Петрозаводск, 2016. С. 89 – 91.

отряда англичанами по завышенному списочному составу продолжилось. Когда «комиссия была выпровожена, крестьяне вернулись к своим занятиям. Важно было вырвать у англичан продовольствие для голодающих»⁴⁸.

Во время инспекторских проверок, изредка проводившихся англичанами в карельском приграничье, для усиления впечатления многочисленности отряда на охрану границы отправляли стариков, принимая начальство, организовывали своего рода «художественную самодеятельность», чтобы заручиться добрым отношением со стороны «спонсоров»⁴⁹. Однако все эти ухищрения на деле соотносились с практиками выживания в кризисной ситуации и имели вынужденный характер.

Как военнослужащие российских гарнизонов для красных финнов весной 1918 г., так и английские военные в глазах карелов оказывались олицетворением чужого государства, которое не грех обмануть, несмотря на заключённый с ним договор. Разумеется, англичане оказали помощь населению Беломорской Карелии прежде всего для защиты собственных интересов. Поэтому конфронтация карельских офицеров и солдат сначала с русскими белогвардейцами, а потом и с британским командованием всё более усиливалась.

Пользуясь хорошим знанием местности, «Карельский полк» в течение июля–октября 1918 г. вёл успешные боевые действия против финнов, вытесняя их к границе. После того как эта цель была достигнута, предназначенный английским командованием для изгнания финских добровольческих отрядов из Беломорской Карелии «полк» оказался во власти не предусмотренных англичанами внутренних процессов. Формально отряд, снабжавшийся англичанами продовольствием, охранял финскую границу. Однако по окончании военных действий в приграничье осенью 1918 г. всё очевиднее становилось стремление его бойцов добиваться независимости Карелии.⁵⁰

Обострившиеся противоречия в конечном счете привели к разрыву карельского движения с бывшими союзниками России. 20 мая 1919 г. британское командование издало приказ о расформировании «Карельского полка» и создании ряда новых карельских подразделений в составе русских частей армии белого Временного правительства Северной области, действовавшего в Архангельске.⁵¹

⁴⁸ НА КарНЦ РАН. Ф.1. Оп.20. Д.139. Л.100, 107.

⁴⁹ Там же. Л.100.

⁵⁰ Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Документы периода подъема национально-демократического движения в Беломорской Карелии (1905–1922 гг.) // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2007. № 10. Финно-угорские народы России: (Проблемы истории и культуры). Источники исследования, историография С. 33–38.

⁵¹ Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение... С. 142.

Степень влияния военнослужащих российской армии и флота, остававшихся в независимой Финляндии, на ход Гражданской войны 1918 года сопоставима с воздействием «карельского фактора» на развитие военно-политической ситуации в Беломорской Карелии в условиях Гражданской войны и военной интервенции на Севере России. Однако «карельским фактором» во многом определялось противоборство центробежных и центростремительных сил в регионе. Это явление, ставшее сущностной характеристикой эпохи, накладывалось на многообразие социально-экономических и политических конфликтов. В частности, оно было связано с имевшим здесь свою специфику аграрно-крестьянским, продовольственным вопросом, который затрагивал абсолютное большинство местного населения, а также с национально-этническими и другими конфликтными ситуациями. Особенностью складывавшегося в эти годы образа беспощадного противника стало то, что в восприятии карелов — участников гражданской войны как с той, так и с другой стороны, враждебными оказывались Финляндия и финны: либо белые, либо красные (сражавшиеся в 1918 г. в рядах т. н. Мурманского легиона, а позже — в 6-ом финском полку в составе частей Красной армии).

В заключение следует отметить, что общество воюющей страны, каким в годы Первой мировой было и российское, и финляндское, даже находясь вдали от театра военных действий, неизбежно оказывалось отравлено последствиями мирового вооружённого конфликта. В период гражданской войны психология такого общества, порождённая жестоким истреблением сограждан, неизбежно приводила к поиску врага в соответствии как с «классовым», так и со сложившемся этническим стереотипом.

Список литературы

Барон, Н. Жизнь и эпоха Ф. Дж. Вудса / Н. Барон // Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг. История и мемуары. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — С. 169–307.

Барон, Н. Столкновение империй: российско-британские взаимоотношения во время интервенции союзников на севере России / Н. Барон // Труды Карельского научного центра РАН. Серия Гуманитарные исследования. Вып. 2. — 2011. — № 6. — С. 90–96. — URL: <http://transactions.krc.karelia.ru/publ.php?plang=r&id=9247>. — (27.12.2018).

Витухновская-Каушпала, М. А. Гражданская война в Карелии в советской, российской и финской историографии / М. А. Витухновская-Каушпала //

Финляндия и Россия: образы общего прошлого. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2014. — С. 299–314.

Витухновская-Каушпала, М. А. Карельский крестьянин в горниле гражданской войны 1917–1922 / М. А. Витухновская-Каушпала // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. : сб. статей. Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2013. С. 172–211;

Витухновская-Каушпала, М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917 / М. А. Витухновская-Каушпала. — Хельсинки ; Санкт-Петербург : Норма, 2006. — 381 с.

Вихавайнен, Т. Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание : лекция / Т. Вихавайнен. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2009. — 27 с.

Голдин, В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере 1918–1920 / В. И. Голдин. — Москва : Изд-во МГУ, 1993. — 200 с.

Голдин, В. И. Русский Север в эпоху великих испытаний: 1900–1920 / В. И. Голдин. — Т. 1. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. — Архангельск : САФУ, 2018. — 623 с.

Голубев, А. В. «Карельский дневник» Филиппа Вудса как источник для изучения северо-карельского приграничья в годы Гражданской войны / А. В. Голубев // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. — Вып. 1. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2008. — С. 37–44. — URL: <http://www.krc.karelia.ru/publ.php?plang=r&id=4057>. — (27.12.2018).

Дмитриев, В. В. Газета «Дело народа» о событиях Гражданской войны 1918 г. в Финляндии / В. В. Дмитриев // Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 год : материалы науч.-практ. конференция. — Санкт-Петербург : Остров, 2012. — С. 61–79.

Дубровская, Е. Ю. Многомерная радикализация: российские военные в Финляндии, «солдатская революция» и социальные движения финляндцев в 1917 г. / Е. Ю. Дубровская // Альманах североевропейских и балтийских исследований [Электронный ресурс]. — 2017. — Вып. 2. — С. 329–353. — URL: <http://nbsr.petrso.ru/journal/article.php?id=769>. — (12.12.2018).

Дубровская, Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918) / Е. Ю. Дубровская. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. — 125 с.

Дубровская Е. Ю. Документы периода подъема национально-демократического движения в Беломорской Карелии (1905–1922 гг.) / Е. Ю. Дубровская, Н. А. Кораблев // *Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы.* — 2007. — № 10. Финно-угорские народы России: (Проблемы истории и культуры). Источники исследования, историография. — С. 33–38.

Дубровская, Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии / Е. Ю. Дубровская. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2016. — 110 с.

Забавская, Н. И. Участие военнослужащих русской армии в гражданской войне в Финляндии по воспоминаниям очевидцев событий / Н. И. Забавская // *Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 год : материалы науч.-практ. конференция.* — Санкт-Петербург : Остров, 2012. — С. 35–50;

Каремаа, О. Русофобия в Финляндии 1917–1923 гг. / О. Каремаа // *Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. : материалы российско-финляндских симпозиумов историков, Санкт-Петербург, февраль 1999 г.; Хельсинки, май 2001 г.; Санкт-Петербург, сентябрь 2004 г.* — Москва : ИРИ РАН, 2006. — С. 212–220.

Клинге, М. Имперская Финляндия / М. Клинге. — Санкт-Петербург : Коло, 2005. — 614 с.

Левкоев, А. А. Национальная политика в советской Карелии (1920–1928) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Алексей Альбертович Левкоев. — Санкт-Петербург, 1995. — 20 с.

Лобанова, Д. Р. Особенности изучения гражданской войны в Финляндии 1918 г. / Д. Р. Лобанова // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы.* — Выборг : ГБУК ЛО «Историко-архитектурный музей-заповедник “Выборгский замок” и историко-этнографический музей-заповедник “Ялкала”», 2016. — 17 (№ 2). Тематический выпуск: Россия, Финляндия и Скандинавия: Проблемы взаимовосприятия. Материалы шестых Барышниковских чтений (25 сент. 2016 г.). — С. 139–145. — URL: http://novist.history.spbu.ru/docs/Sbornik_North_Europe_2016_2.pdf. — (27.12.2018).

Морозова, О. М. Антропология гражданской войны / О. М. Морозова. — Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. — 559 с.

Мусаев, В. И. «В чужом пиру похмелье»: Гражданская война, послевоенный террор в Финляндии и русское население в 1918 г. / В. И. Мусаев // *Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX — середина XX в.: матер. междунар. colloквиума (Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013 г.).* — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — С. 485–497.

Мусаев, В. И. «Племенные войны» и беженство в Карелии (1918–1922) / В. И. Мусаев // *Карелия — приграничный регион России в XX–XXI веках:*

формирование и становление карельской государственности в составе СССР / России. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018. — С. 30–39.

Нарский, И. В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. / И. В. Нарский // *Ab Imperio*. — 2004. — № 2. — С. 211–236.

Николаев, О. Р. Портрет войны в севернорусском ландшафте в версии британских фотографов // Гражданская война на севере России глазами британцев. Из фондов Имперского военного музея (Лондон) / О. Р. Николаев. — Санкт-Петербург : ГАМАС, 2008. — С. 6–37.

Новикова, Л. Г. Провинциальная «контрреволюция»: белое движение и Гражданская война на Русском Севере, 1917–1920 / Л. Г. Новикова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 384 с.

Новоселова, З. А. Выборг в период революции и гражданской войны в Финляндии / З. А. Новоселова // Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 год : материалы науч.-практ. конференция. — Санкт-Петербург : Остров, 2012. — С. 3–34.

Осипов, А. Ю. Финляндия и «независимая» Карелия в период гражданской войны / А. Ю. Осипов // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера : материалы 5-й междунар. науч. конференция. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2005. — С. 86–89.

Осипов, А. Ю. Финляндия и гражданская война в Карелии : дис. ... канд. ист. наук / Александр Юрьевич Осипов. — Петрозаводск, 2006. — 241 с.

Расила, В. История Финляндии / В. Расила. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 1996. — 294 с.

Степанов, О. Прошлое и настоящее Беломорской Карелии / О. Степанов // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. — Ювяскюля : Атена, 1995. — С. 279–310.

Терашкевич, А. С. Русские в гражданской войне в Финляндии / А. С. Терашкевич // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. — Выборг : ГБУК ЛО «Историко-архитектурный музей-заповедник “Выборгский замок” и историко-этнографический музей-заповедник “Ялкала”», 2016. — 17 (№ 2). Тематический выпуск: Россия, Финляндия и Скандинавия: Проблемы взаимовосприятия. Материалы шестых Барышниковских чтений (25 сент. 2016 г.). — С. 70–73. — URL: http://novist.history.spbu.ru/docs/Sbornik_North_Europe_2016_2.pdf. — (27.12.2018).

Филимончик, С. Н. Гражданская война в Карелии в творчестве А. М. Линевского 1930-х гг. / С. Н. Филимончик // История Гражданской войны

в России 1917–1922 гг.: Материалы междунар. науч.-практ. конф. 24–25 мая 2016. — Москва : ЦМВС, 2016. — С. 368–373.

Холодковский, В. М. Революция 1918 г. в Финляндии и германская интервенция / В. М. Холодковский. — Москва : Наука, 1967. — 387 с.

Черняев, В. Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии / В. Ю. Черняев // *Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть.* — Санкт-Петербург : Глагол, 1994. — С. 308–323.

Шкваров, А. Г. Русские гарнизоны в Великом княжестве Финляндском: проблемы взаимоотношений с местным населением / А. Г. Шкваров // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы Двенадцатой ежегод. междунар. науч. конференции. — Санкт-Петербург : РХГА, 2011. — С. 80–89. — URL: http://novist.history.spbu.ru/docs/Sbornik_North_Europe_2011.pdf. — (27.12.2018).

Шумилов, М. И. Революция и гражданская война в Карелии: 1917–1920 / М. И. Шумилов // *История Карелии с древнейших времен до наших дней* / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. — Петрозаводск : Периодика, 2001. — С. 342–426.

Dubrovskaya, E. Russia and Finland During the World War I in Russian Historiography / E. Dubrovskaya, I. Solomeshch // *Norden och Kriegen i Finland och Baltikum 1918–19* / red. L. Westerlund. — Helsingfors : Statsrådets kansli, 2004. — S. 185–194. — (Statsrådets kanslis publikationsserie. 2004 / 7).

Harjula, M. Suomalaiset Venäjän sisällissodassa 1917–1922 / M. Harjula. — Helsinki : SKS, 2006. — 700 s.

Harjula, M. Venäjän Karjala ja Muurmanni 1914–1922. Maailmansota, vallankumous, ulkomaiden interventio ja sisällissota / M. Harjula. — Helsinki : SKS, 2007. — 410 s.

Karemaa, O. Moraalisesta närkästyksestä kansalliseksi ohjelmaksi / O. Karemaa // *Venäjän kahdet kasvot: Venäjä kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä.* — Helsinki : Edita, 2004. — S. 226–254.

Karemaa, O. Vihollisia, vainooja, syöpäläisiä : venäläisviha 1917–1923 / O. Karemaa. — Helsinki : SHS, 1998. — 221 s. — (Bibliotheca Historica 30).

Luntinen, P. Sotilasmiljoonat / P. Luntinen. — Helsinki : SHS, 1984. — 186 s.

Manninen, O. Kapina, kansalaissota, vapaussota / O. Manninen // *Itsenäistymisen vuodet : 1917–1920.* — Helsinki : Valtionarkisto, 1993. — Osa 2. — S. 8–21.

Niinistö, J. Heimotien historia, 1918–1922 / J. Niinistö. — Helsinki : SKS, 2005. — 307 s.

Polyakova, T. The Memoirist and the Redactor: Writing the History of the Russian Civil War in Karelia // *Альманах североамериканских и балтийских исследований* [Электронный ресурс]. — 2016. — Вып. 1. — С. 118–131. — URL: <http://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=482>. — (12.12.2018).

Smith, C. I. Finland and the Russian Revolution: 1917–1922 / C. I. Smith. — Athens : University of Georgia Press, 1958. — 251 p.

Tanskinen, A. Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918 / A. Tanskinen. — Tampere : Tampereen yliopisto, 1978. — 222 s.

Vahtola, J. «Suomi suureksi — Viena vapaaksi». Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918 / J. Vahtola. — Rovaniemi : Pohjois-Suomen historiallinen yhdistys, 1988. — 476 s.

Vaara, P. Viena 1918: kun maailmansota tuli Karjalaan / P. Vaara. — Jyväskylä : Docendo, 2018. — 230 s.

Vituhnovskaja-Каuppala M. Itäkarjalaiset eri kansallisten projektin subjekteina ja objekteina, 1917–1922 / M. Vituhnovskaja-Каuppala, P. Каuppala // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа : сб. науч. статей. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2012. — С. 309–320.